

DOI: 10.22250/2072-8662.2018.1.58-70

Петров А.М.

О мирском и сакральном времени в некоторых русских фольклорных религиозных текстах

Статья подготовлена в рамках коллективной плановой темы № АААА-А18-118020800204-0 «Фольклорные традиции и рукописная книжность Европейского Севера: источниковедение, текстология, поэтика, этнографический контекст»

Аннотация. В современном религиоведении категорию времени конфессионального текста принято описывать при помощи оппозиции *мирское-священное*. Не является исключением и текст православный. Однако существуют определённые типы текстов, для которых рамки указанной оппозиции тесны. Речь идёт о текстах народного православия – точнее, о русских фольклорных духовных стихах. Произведения этого жанра наследуют от христианства представление о времени мирском и священном, но по-своему трансформируют его. Православная традиция в фольклорной среде интерпретируется преимущественно в терминах народной культуры: возрастает значение фольклорной троичности, актуализируется представление о мифологическом идеальном первоначале; семиотическое пространство православной традиции обогащается фольклорными представлениями о *времени пограничном* (*полночь, двенадцать часов* и т.п.); дополнительной сакрализации подвергается *пятница* как день Распятия Христа (согласно некоторым духовным стихам, именно на пятницу приходится Вознесение Христа, в существенном противоречии с канонической традицией); наделяются дополнительным сакральным смыслом и события, вообще не получившие в канонических текстах соответствующей этической оценки (например, возраст начала обучения святого грамоте). Бинарная оппозиция *мирское-священное* трансформируется в своего рода триаду, где в качестве третьего элемента выступают события, происходящие в потоке мирского времени, но наделяемые фольклорным сознанием дополнительными сакральными, символическими коннотациями, восходящими к образной системе народной культуры. Это позволяет говорить о расширении границ священного времени в народном православии. Существенную роль в организации временной структуры духовных стихов играют эсхатологические переживания. Сакрализации подвержены не только события, происходившие в прошлом, но и события предполагаемого будущего (конец света и остановка течения времени).

Ключевые слова: духовные стихи, фольклор, народное православие, мирское, сакральное, категория времени, религиозное сознание

Alexander M. Petrov

On Secular and Sacred Time in Some Russian Folklore Religious Texts

The paper is written within a collective planned subject "Folklore Traditions and Hand-Written Booklore of the European North: Source Study, Textual Criticism, Poetics, and Ethnographic Context", no. АААА-А18-118020800204-0

Abstract. In modern studies of religion, the category of time of the confessional text is usually described with the help of the opposition *profane-sacred*. Orthodox text is not an exception. However, there are certain types of texts for which the framework of this opposition is tight. It concerns the texts of folk Orthodoxy – more precisely, Russian folklore spiritual verses. The works of this genre inherit the notion of profane and sacred time from Christianity, but they transform it in their own way. The Orthodox tradition within folklore is interpreted mainly in terms of folk culture: the importance of the folk idea of triplicity increases; the concept of the mythological ideal origin of the world is actualized; the semiotic space of the Orthodox tradition is enriched with folkloric ideas about the *border-time* (*midnight, 12 o'clock*, etc.); *Friday* as the day of the Crucifixion of Christ is exposed to additional sacralization (according to some spiritual verses, it is on Friday that the Ascension of Christ takes place, in substantial contradiction with the canonical tradition); events that generally did not receive the corresponding ethical evaluation in the canonical texts are endowed with an additional sacred meaning (for example, the age of the beginning of teaching the holy child). The binary opposition of the *profane-sacred* is transformed into a kind of triad, where the third element are the events taking place in the stream of profane time, but endowed by folkloric consciousness with additional sacral, symbolic connotations that go back to the folk culture. This allows us to talk about expanding of the boundaries of sacred time in the folk Orthodoxy. Essential role in the organization of the temporal structure of spiritual verses is played by eschatological experiences. Sacralization concerns not only those events that occurred in the past, but also the events of the prospective future (the end of the world and the cessation of the passage of time).

Key words: spiritual verses, folklore, folk Orthodoxy, secular, sacred, category of time, religious consciousness

Петров Александр Михайлович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; Республика Карелия, гор. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11; petrof@onego.ru

Alexander M. Petrov – PhD (Philology), Senior Researcher at the Institute of Linguistics, History and Literature of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences; 11 Pushkinskaya str., Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia; petrof@onego.ru

Традиция осмысления мира в религиозных категориях зародилась с момента достижения человеческим сознанием способности к осуществлению сложных абстрактных операций и сохранила свою преемственность до настоящего времени. Формы религиозного мышления прошли долгий путь и претерпели существенные эволюционные изменения, но в самой своей сути религиозная картина мира всегда оставалась постоянной: религия (во множестве её национальных, наднациональных, исторических типов) основывается на наборе мировоззренческих констант, которые дифференцируют её от других способов описания и осмысления окружающего мира. К числу таких констант исследователи, прежде всего, относят *веру* в существование бога (или богов, или сверхъестественных сил – в широком смысле) и описание мира посредством категорий *священного* и *мирского*. Иногда к константам религиозного сознания относят такие признаки, как представление об инобытии [Забияко, 2008, 1069]; религиозный культ, религиозные организации [Забияко, Красников, Элбакян, 2006, 872].

Указанные типологические маркеры религиозного сознания восходят к мифологическим истокам; сама религия как мировоззренческий феномен выросла из мифологии [Яблоков, 2006, 886]. В предлагаемом исследовании религия рассматривается как историческая форма мифологии; образы и сюжеты религии описываются и интерпретируются в категориях мифологии; мифологическое и религиозное мышление рассматриваются как исторически не тождественные, но строго не дифференцируются.

Как мы уже отметили выше, к числу существенных компонентов религиозного сознания относится интерпретация мира и человека посредством категорий *священного* и *мирского*. Оппозиция *священное–мирское* описывает самые разнообразные аспекты бытия, в том числе и такую онтологически значимую, сущностную характеристику окружающего мира, как время. Категория времени в значительной степени подвержена религиозно-мифологическому осмыслению; религиозно-мифологическое время обладает особой структурой и семантикой. Прежде всего, время, как и пространство, неоднородно: в научной традиции приняты термины *время мирское* и *время священное*. Время мирское – это «обычная временная протяжённость, в которой разворачиваются действия, лишённые религиозной значимости» [Элиаде, 1994, 48]. Время священное – это время праздников, повторяющихся с определённой периодичностью: «Всякий церковный праздник, всякое Время литургии представляет собой воспроизведение в настоящем какого-либо священного события, происходившего в мифологическом прошлом» [Элиаде, 1994, 48].

Задача статьи – предложить систематизированное описание *категории времени*, обуславливающей типологическое единство народно-православного сознания, отражённого во множестве фольклорных религиозных текстов.

Материал исследования – русские фольклорные духовные стихи: сюжеты «Голубиная книга», «Алексей, человек Божий», «Аника-воин», «Два Лазаря», «Егорий Храбрый» и многие другие классические эпические сюжеты.

Приступим к рассмотрению текстов.

I. Время мирское

Адаптация христианского вероучения фольклорной традицией сталкивалась с рядом естественных трудностей: непривычные образы, сложный язык христианской письменности. Фольклорный текст избегает чрезмерных усложнений – напротив, в условиях устного бытования он строится на традиционных и хорошо

известных сказителям формул: ритмо-синтаксических, лексических, морфологических, мелодических и т.д. Нагромождение образов и витиеватых языковых конструкций – признак книжно-письменной культуры, хотя, разумеется, далеко не всякой и не во всякий исторический момент. Однако фольклор практически всегда стремится к упрощениям. Категория времени – частный случай такого положения дел. Не стали исключением и духовные стихи: в этом жанре мы отмечаем немало бытовых представлений о времени: так ближе и понятнее носителям традиции и их слушателям. В духовных стихах может описываться обыденный мир в обыденных хронологических рамках. Так, если в жизни святого наступает такой момент, как свадьба, то проще всего прибегнуть к помощи привычных числовых номинаций: «Прошло того времечки нимного, / Нимного-то, нимало, да лет семнадцать, / Похотели отец-мать его жонити» [Неизданные материалы, 2007, 164]; «А проходило тому времени лет восемнадцать, / А похотел его батюшка жонити» [Неизданные материалы, 2007, 170]; «Ростили Олексея лет двадцать, / Здумал Олексея жонити, / Выбирали яму кнегину Катерину» [Неизданные материалы, 2007, 158].

Поясним, что процитированные фрагменты относятся к духовному стиху «Алексей, человек Божий», широко распространённому в фольклорной традиции и бытовавшему в десятках вариантов. Этот стих возник на основе литературного Жития Алексия, известного на Руси с XI века по переводам с греческих источников [Муравьёв, Турилов, 2001, 9].

Под влиянием бытовых представлений проникает в фольклор и указание на возраст начала обучения святого: «Да стал Алексей подрастати, / Да стал мужевати, / Да стало Алексею лет восемь, / Да стал Алексей грамоте учиться» [Духовные стихи, 2015, 160].

В рукописном списке «Жития» XII в. конкретные числовые указания отсутствуют: «Когда же отроку пришло время учиться, отдали его сначала обучению грамоте, и он познал всю грамматику, церковные правила и немного риторике, и был отрок очень умным» [БЛДР, 1999, 245].

Однако уже здесь мы сталкиваемся со своего рода «сопротивлением материала» заданной схеме. В народно-православных текстах стереотипы бытового восприятия времени могут вытесняться традиционными фольклорными нумеративами, имеющими символическое значение. Так, в одном из вариантов возраст обучения святого грамоте – *двенадцать лет* (текст записан в 1935 г. в Кемском районе Карелии): «Воспитали они его лет до двенадцать. / Захотели они Алексеюшка грамоте учить, / Алексеюшки грамота скоро далася» [Духовные стихи, 2015, 93].

Можно предположить, что число *двенадцать* для обозначения возраста взросления героя заимствовано из эпической традиции Русского Севера: «К двенадцати годам собрал дружину Вольга, двенадцатилетний Ермак бьется с царем Калиным, Василий Игнатьевич – с Батыгой, в этом возрасте покидает свой дом Добрыня ради чистого поля, так же поступает Сокольник, вступивший в единоборство с отцом. Таким образом, первая попытка перенять отцовскую славу совершается в двенадцать лет» [Новичкова, 2001, 89].

Само же символическое числительное *двенадцать* восходит к мифологическим представлениям, повлиявшим и на поэтику фольклора [Топоров, 1992, 629–631]. Иными словами, сюжетный стереотип «обучение святого грамоте» подвергается в народном тексте влиянию фольклорной формульности. Описание момента жизни героя при помощи символического нумератива придаёт повествованию некоторый сакральный ореол.

Нумератив *двенадцать* используется и при описании героев-змееборцев: Федора Тирона и Георгия Победоносца (в народной традиции – Егория Храброго), которые, согласно фольклорным воззрениям, взрослеют и обретают силу именно в этом возрасте: «Только по двору по царскому, / По крылечушку по красному / Ходит-гуляёт младый человек Федор Тирон, / Всего ему от роду двенадцать лет» [Стихи, 1991, 87]; «Явился ей Егорий свет, / Егорий свет в двенадцать лет, / На белом коне сидючи» [Духовные стихи, 2015, 422]; «Значит, жила-была Аграфина Катерина. У ей был сын Егорий. Он жил да двенадцати лет. Стало ему двенадцать лет. Наезжал царище Кудрянище» [Духовные стихи, 2015, 230].

В создании стереотипии фольклорного текста принимает участие и традиционная троичность. Например, герою в момент начала испытаний может быть не двенадцать лет, а *три* года без *трёх* месяцев: «Есть у меня святой младенец Кирик, / *Трёх лет без трёх месяцев*» [Стихи, 1991, 120].

Использование фольклорной троичности не чуждо и другим сюжетам духовных стихов. Троичность, разумеется, мы понимаем в широком смысле: это любое определение, содержащее идею утращения: *три*, *тридцать*, *тридцать три*, *триста* и т.п. Благодаря таким числовым стереотипам даже время, которое, в сущности, относится к мирскому, приобретает оттенок если не сакральности, то некоторой условности, не свойственной бытовому восприятию времени. Например, в стихе «Глубина книга» тридцать лет – это срок, в течение которого должен сбыться вещей сон героя: «Как теперь у нас и в зачатьи нет, / Тому пройдет времени *тридцать лет*, / Тогда сны-то наши сбудутся, / Тогда дети наши народятся, / По возрасту вместе сойдутся» [Бессонов, 1861–1863, 299].

Тридцать лет, согласно некоторым вариантам духовного стиха «Алексей, человек Божий», – это срок, в течение которого святой молится в пустыне: «*Тридцать лет* пробыл Алексей в пустыне, / *Тридцать лет* Богу молился» [Духовные стихи, 2015, 88]. В книжном «Житии» этот срок составляет *семнадцать лет* [БЛДР, 1999, 247]: фольклорная традиция, таким образом, привнесла в повествование оттенок сказочной таинственности.

По другим вариантам, время пребывания Алексея в пустыне имеет более конкретный характер: это *двенадцать*, *семнадцать* (как в «Житии»), *двадцать*, *сорок*, *сорок пять лет* [Петров, 2014, 16].

Обыденный характер носят описания физических состояний персонажей. Например, в духовном стихе «Два Лазаря» болезненное состояние бедного брата длится *одиннадцать лет*: «Ну вот, случилось брату бедному Лазарю *одиннадцать годочков* во гноище лежать, *одиннадцать годов*» [Духовные стихи, 2015, 269].

Длительность предсмертных мучений богатого Лазаря передаётся при помощи нумератива *четыре*: «Вышёл богатой в полё погулять, / Застигла богатого зла лютая смерть, / Зла лютая смерть, свирепая скорб. / Сдунула богатого повыше главы, / Опустила богатого во сыру землю, / Мяла, трепала *четыре часу*» [Неизданные материалы, 2007, 183].

Совершенно бытовой характер носит традиционное для эпоса описание пира в стихе «Сорок калик со каликою», и фольклорная троичная числовая модель здесь используется, скорее, по традиции, сакрального смысла она лишена: «И сидят они время *час*, *другой*. / Во *третьем часу* подымались, / Подымавши они Богу молятся, / За хлеб за соль бьют челом / Молодой княгине Апраксеевне / И всем столникам и чашникам» [Бессонов, 1861–1863, 11–12].

Уже по приведённым примерам можно предположить, что в духовных стихах действуют две разнонаправленные тенденции осмысления мирского времени: 1) сказители пытаются придать повествованию правдоподобие, используют «реалистические» обозначения времени, 2) сказители пытаются некоторым образом «высвить» повествование, придать бытовому потоку времени оттенок символичности.

Интересные примеры такого рода встречаются в известном стихе «Аника-воин». Когда Аника-воин встречает Смерть, ему, по разным вариантам, может быть *тридцать два* года или *триста тридцать один* год: «Оника-воин жил *тридцать два года*, / Захотелось Онике-воину погуляти, / В цисто поле погуляти, / Свою силу испытати» [Неизданные материалы, 2007, 139]; «Жил-был Оника-воин, / Жил-был долго, – / Жил *триста тридцать* единое лето» [Стихи духовные, 1991, 202]. Очевидно, что первый пример – это попытка приблизить образ героя к действительности, наделить его чертами реального человека; второй пример – фольклорное обобщение, наделяющее героя признаками исключительности.

Некоторая смысловая неотчётливость характерна для числовых обозначений в духовном стихе «Мучения Егория». В сюжете описывается разрушение мира, в котором живёт святой Егорий и его родители. Противник обрушивается на христианскую землю с языческим воинством в определённый срок: «Как в *первом году второй тысящи* / Наездял царише Кудриянищё» [Духовные стихи, 2015, 514];

«Ай, в восемнадцатом году, девятой тысячи, / Наезжал царице Куриянице. / Всех князей, бояр да он повырубил, / Он срубил главу да князю Фёдору» [Духовные стихи, 2015, 428]; «Восьмом году, осьмой тысяче, / Осьмой тысячи в марте месяце / Наезжал царице Кудреянице, / Кудреянице да й сам Буянищо» [Неизданные материалы, 2007, 81].

Не следует здесь искать исторической конкретики: время носит условно-фантастический характер. Однако, как отмечают исследователи, само использование таких квазидостоверных определений времени призвано «придать повествованию правдоподобие» [Мухина, 2006, 16]. Напомним, что датировка «восьмая тысяча» восходит к эсхатологическим представлениям, бытовавшим на Руси в XV в. [Топорков, 1991, 176]. Согласно летоисчислению «от сотворения мира» (5508 г. до н.э.), конец света ожидался в 1492 г. (конец седьмой тысячи). Думается, что и «первый год второй тысячи» также ассоциативно связан с представлением о некоей временной границе, за которой начинается отсчёт новой эпохи.

Формула «восьмой год восьмой тысячи» стала своего рода маркером переходного времени, вслед за которым наступают драматические события. Обычно она встречается в одном сюжете – «Мучения Егория», однако иногда её можно обнаружить и в стихе «Голубиная книга»: «При последнем будет при времени, / При восьмой будет при тысящи, / Правда будет взята Богом с земли на небо, / А Кривда пойдет она по всей земли, / По всей земли, по всей вселенная, / По тем крестьянам православным» [Бессонов, 1861–1863, 292].

Зафиксированы единичные случаи использования этой формулы и в зачине стиха о Голубиной книге: тёмная туча, приносящая Голубиную книгу, появляется в восьмом году восьмой тысячи [Кузнецова, 2015, 339].

Таким образом, время, которое мы определили как мирское, не обнаруживает смысловой однородности. Имеются безусловные обывовлённые временные указатели, не имеющие сакрального значения. Однако во многих случаях и утилитарные обозначения временных точек и интервалов могут подвергаться некоторой символической нагрузке. Это достигается при помощи включения в христианский дискурс традиционных фольклорных обозначений времени с их устоявшимися культурными ассоциациями. Таковы, например, фольклорные числовые номинации «двенадцать» и «три». Определения «восьмой год восьмой тысячи» и подобные, хотя и рассмотрены нами в разделе «Время мирское», фактически обнаруживают амбивалентность: будучи конкретно-историческими по форме, они по содержанию почти полностью переходят в ведомство сакральной хронографии – слишком тесны их символические ассоциации с эсхатологическими переживаниями. Какие же события можно отнести к сакральному времени без учёта дополнительных условий и смысловых противовесов? Материалы обнаруживают, что такие события в духовных стихах отражены, и их не так мало. Перейдём к рассмотрению соответствующих случаев.

II. Время сакральное

К событиям сакрального времени относятся в той или иной мере события, которые ассоциируются с неким первоначалом. Обычно такое первоначало осмысляется в мифологическом сознании как идеальное: «С первого веку – начала Христова / Не бывало на Салым-град / Никакой беды, ни погибели» [Стихи, 1991, 162]. Это экспозиция духовного стиха «Димитрий Солунский», и речь здесь идёт о состоянии христианского мира до вмешательства языческих сил – нашествия «неверного царя Мамай».

В стихе «Голубиная книга» явление книги, раскрывающей тайны мироздания, разворачивается в мистическом хронотопе: Голубиная книга даруется человеку из тёмной грозной (т.е. грозовой) тучи, выпадает на священную гору (название горы варьируется, но обычно это Фавор) или в Иерусалиме и т.д. Время действия обычно приурочено ко времени правления библейского царя Давида – в фольклоре его имя предстаёт в русифицированном облике: Давыд Евсеевич: «Во граде было во Иерусалиме, / При царе при Давыде при Евсеевиче, / При его сыне при Соломоне, / При старце было при Захарии, / Кабы с той стороны со восточной, / С другой стороны с полудённой / Воздвигало чудо немалое: / Восходила туча сильна грозная, / Из той из тучи из сильной грозной / Выходила Книга Голубиная, / Божественная книга Евангельская» [Бессонов, 1861–1863, 323].

В некоторых вариантах события происходят во время «заचाдьа свету белого»: «С зачадьа было свету белаго, / На той на земле Сарочинская, / На той горе Фарафонская, / Не чудо там сочудилося, / А се проява проявилося: / Со небес книга совалилася, / Выпадала Книга Голубиная, / Голубиная, лебединая» [Бессонов, 1861–1863, 310].

Согласно духовным стихам, преисполнены удивительным и чудесным обстоятельством рождения святых. Алексей, человек Божий, появляется на свет после мольбы князя Ефимьяна и благословения Богородицы. Этот мотив проник в фольклорную традицию из житийной литературы, исследователи относят его к числу «универсальных топосов» канонических житий: он «известен не только в восточно-христианской, но и в западной агиографической традиции» [Руди, 2006, 439]. В агиографии «мотив пренатальных знамений реализуется, как правило, в форме явления родителям (или матери) святого Пресвятой Богородицы, предрекающей им рождение богоизбранного младенца (часто – после усердных молитв неплодных родителей о даровании чада). При этом предсказание обычно совершается в сакральном времени (утро воскресного дня) или сакральном пространстве (церковь) и может быть как вербальным, так и знаково-символическим (облечение младенца в светлые одежды, голубица, агнец и др.)» [Руди, 2006, 439]. В духовных стихах мотивная структура житийной топики строго соблюдается, но при этом подвергается фольклоризации (например, влиянию символики троичности): «А ушел Ефимьян да во пустыню, / А во пустыню Ефимьян Богу молиться, / Три часу Ефимьян Богу молился, / А другое три часу спать ложился, / А третьи три часу пришла темная ночь. / Богородица глас прогласила, / А Ефимьяну речь говорила: / “Уж ты стань, Ефимьян, да пробудися, / Да от крепкого сну прохватися, / Ключевой святой водой приумойся, / Тонким белым полотенцем приутрися, / Господу Богу помолися”» [Духовные стихи, 2015, 247].

В некоторых вариантах можно встретить сказочный мотив зачатия святого Алексея от рыбы, съеденной супругой Ефимьяна [Адрианова, 1917, 376].

Описание Егория Храброго зачастую также выполнено в сказочных тонах: «По локоть руки в красном золоте, / По колена ноги в чистом серебре, / И во лбу солнце, во тылу месяц, / По косицам звезды переходя» [Стихи, 1991, 117]; «У Егорья во лбу млад-светёл месяц, / У Егорья во затылке красно солнышко. / По глобам звёзды катаются, / По косицам мелки зори замыкаются» [Духовные стихи, 2015, 49]. А.Н. Веселовский предполагал, что источником подобных описаний стала иконописная традиция: «русское представление о Егории “светло-храбром, по локоть руки в красном золоте, по колена ноги в чистом серебре”, очевидно, внушено иконописью» [Веселовский, 2009, 101]. Однако В.Я. Пропп указал на ошибочность этого предположения: «На самом же деле нет ни одной иконы, на которой Георгий изображался бы с золотыми руками и серебряными ногами. Такое изображение встречается только в сказках и духовных стихах» [Пропп, 2007, 82].

В позднейших вариантах мотив чудесного рождения может подвергаться влиянию бытовых представлений: «Через девять месяцев у них родился сын, которого оне называли Алексеем» [Духовные стихи, 2015, 162] (из варианта 1947 года записи); «Через несколько дней она обтяжелела. Сорок недель она несла. Родила она этого дитя» [Духовные стихи, 2015, 517] (из варианта 1937 года записи). Картина рождения святого носит, как мы видим, несколько физиологичный характер: для житийного текста указание на такой срок, как девять месяцев (или сорок недель), попросту невозможно [Руди, 2006, 431–500]. Однако числовая конкретика не должна вводить в заблуждение: для религиозного сознания святой остаётся святым вне зависимости от вербальных формул его описания; носитель фольклорной традиции передаёт событие доступными художественными средствами, в соответствии со своим уровнем сказительского мастерства.

От христианской традиции унаследовано почитание отдельных дней недели – они и в фольклоре осмысляются как священные. Например, особо выделяются среда, пятница, воскресенье (мотивировка сакрального смысла этих дней заимствована из евангельского текста): «Чады вы мои! / Поимейте вы три дни в неделю – / Среду и пятницу, воскресенье Христово: / В среду жидовья на Христа совет советали, /

В пятницу распят был сам Иисус Христос, / В третий день – воскресение Христово, / Господа нашего Иисуса Христа, / Воскрес Христос из гроба и взошел на небо» [Стихи, 1991, 176].

Почитание святых дней – один из важнейших показателей благочестия князя Ефимьяна – земного родителя Алексея, человека Божьего: «Охоч был Ефимьян Богу молиться. / На кажну среду, пятницу поститься, / На всяку субботу причащаться» [Духовные стихи, 2015, 69].

Полный список особо почитаемых *пятниц* даёт стих «О двенадцати пятницах». Это произведение возникло в фольклорной среде на основе одноименного апокрифа. Сам же апокриф был переведён с греческого языка; наиболее ранний известный славянский список – это сербский текст XIV в. [Рождественская, 1999, 392–393] (по другим данным – XIII в. [Толстая, 2005, 545]), в России памятник известен с XV в. [Амосова, 2015, 236]. В настоящее время приводятся свидетельства в пользу того, что в восточноевропейской культуре апокриф укоренился благодаря польской литературной традиции [Иванов, 2013, 318–342].

Для исследования народно-православной традиции важен тот факт, что записи духовного стиха «О двенадцати пятницах» на территории Карелии известны практически лишь по сборнику П.А. Бессонова «Калеки переходные». В материалах Научного архива Карельского научного центра РАН в г. Петрозаводске нет ни одного текста на этот сюжет, хотя собирание фольклора (включая духовные стихи) велось непрерывно с 1930-х гг. При этом текст, опубликованный у П.А. Бессонова под № 583, сопровождается комментарием: «Поется в Петрозаводск. и Повенецк. уездах».

Удивительно, но никаких следов бытования этого стиха в фольклорной традиции Карелии более не было обнаружено. Нет этого текста и в сборнике материалов экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых, предпринятой в 1926–1928 гг. на Русский Север. Исследователи отмечают, что апокриф «О двенадцати пятницах» был широко распространён среди восточных славян и бытовал, помимо рукописной, также и в устной форме (духовные стихи) [Толстая, 2005, 544]. Однако на Русском Севере, судя по всему, фольклоризация этого книжного текста происходила медленно, неустойчиво. Стилистика севернорусского (петрозаводского) духовного стиха из сборника П.А. Бессонова несколько далека от народной; текст, очевидно, ближе к литературной, книжной традиции. Действительно ли этот стих свободно пелся, как указано у П.А. Бессонова, или всё же переписывался (в традициях рукописной книжности) – наверняка мы сказать не можем. В каталоге «Памятники книжной старины Русского Севера» [Памятники, 2010, 567] (XV–XX вв.) указаны севернорусские рукописные варианты апокрифа, с фольклорной традицией, по-видимому, тесно не связанные¹. Имеются свидетельства о бытовании этого апокрифа (также в рукописном виде) на поморском берегу Белого моря: в 1969 году в этот район была предпринята совместная археографическая экспедиция ИРЛИ (Пушкинский Дом) и ИМЛИ им. А.М. Горького [Гребенюк, Рождественская, 1971, 321]. В настоящее время исследователи отмечают, что «современных записей “Сказания...” нет, оно не бытует в устном исполнении уже довольно долгое время» [Амосова, 2015, 237].

Несмотря на всё сказанное, думается, что привлечение этого текста для исследования народного православия вполне обоснованно и не должно вызывать серьёзных возражений. Проникновение апокрифа «О двенадцати пятницах» в восточнославянскую народную традицию убедительно продемонстрировано в соответствующей работе С.М. Толстой [Толстая, 2005, 558].

Таким образом, хотя этот апокриф известен уже давно [Веселовский, 1876, 326–367], далеко не все аспекты его текстологии, ареалов бытования и литературной истории получили законченное освещение. Кроме того, специалистами по древнерусской литературе особо отмечается «наличие смысловых лакун, неясных фраз, «темных» мест» [Рождественская, 1999, 393].

По-видимому, эти неясности перешли и в народную традицию, в которой усугубились в ещё большей степени. Например, определённые трудности в атрибуции образа Троицы по духовным стихам испытывал Г.П. Федотов. Согласно одному из вариантов, «Сходил сам Господь Иисус Христос, / Показал он в Троице лице Свое, / Пускал по земле Свой Святой Дух» [Федотов, 1991, 28]. Г.П. Федотов отмечает:

«Трудно сказать, что мыслит певец под словами “показал в Троице лицо Свое”» [Федотов, 1991, 28]. Думается, что подобное определение можно отнести ко многим фрагментам этого духовного стиха.

Итак, о каких же двенадцати пятницах идёт речь? Можно предположить, что наиболее значимая пятница, почитаемая в православной фольклорной традиции, – это пятница Распятия Христова [Амосова, 2017, 52–65]. Сакрализация пятницы была поддержана и народно-православным культом святой Параскевы [Рождественская, 1999, 393; Толстая, 2005, 558–559]. Согласно духовному стиху, первая почитаемая пятница – это пятница «На первой неделе поста Великаго: / В ту великую Пятницу / Убил брат брата, Каин Авеля» [Бессонов, 1861–1863, 120]; вторая великая пятница – «Супротив Благовещенья Бога нашего: / В тую великую Пятницу / Воплотился сам Исус Христос / Святым Духом в Мать Пресвятую Богородицу» [Бессонов, 1861–1863, 120]; третья – «Супротив Светлаго Христова Воскресения: / В тую великую Пятницу / Распят был Сам Исус Христос» [Бессонов, 1861–1863, 120]; четвёртая – «Супроти праздника Вознесения Христова: / В тыё Пятницу вознесся Христос на небяса» [Бессонов, 1861–1863, 125] и т.д. Далее, по разным вариантам, пятницы приурочиваются к разным сакральным событиям церковного календаря: Рождество Христово, Крещение Господне, День Святой Троицы, Преображение Господне, Успение Пресвятой Богородицы, Усекновение главы Иоанна Предтечи и т.д. Может показаться, что условные «двенадцать пятниц» совпадают с двенадцатыми праздниками, но это не совсем и не всегда так. Например, одна из великих пятниц, согласно духовным стихам, – день памяти Илии-пророка. Как хорошо видно из приведённого списка праздников, совершенно не обязательно каждый из них выпадает на пятницу – скорее наоборот: никогда не выпадает на пятницу Вознесение (четверг) и т.д. Безусловно, ассоциации с двенадцатыми праздниками в контексте этого духовного стиха неизбежны, на что указала С.М. Толстая [Толстая, 2005, 550]. Однако полного совпадения фольклорного повествования и церковного календаря нет и, вероятно, быть не может.

Таким образом, в этом духовном стихе отражено особое отношение к пятнице в народном православии; этот день недели воспринимается в русском религиозном фольклоре как священное время в тот или иной момент календарного года – священное настолько, что осмысление пятницы помещается в контекст великих праздников.

Некоторые священные события, упомянутые в стихе «Двенадцать пятниц», получили освещение и в других сюжетах. Например, событие Рождества Христова отражено в соответствующем цикле духовных стихов, при этом время Рождества может указываться в системе летоисчисления от сотворения мира: «Пророки пророчили за *тысящу лет*, / Другие сказали за *триста годов*, / Во *пятой во тысящи в пятистах* / Рождение, страдание Исуса Христа» [Бессонов, 1861–1863, 74].

Фольклорные представления о Рождестве весьма точно отражают евангелическую традицию: «Девия, ай, пречистая, / Девия благословенная, / Звезда в небе всё пресветлая, / С полудни дай воссияла, / Осветила всю землю, всю вселенную, / Спородила всем царям царя, / Царям царя, Богам Бога. / Идут волхи всё персида, / Несут они цари даровы, / Злато несут с перфилюю, / С перфилюю дай еще царською, / Сладку пишу несут медвянную, / Хвалу хвалят оны великую, / Честь воздают оны преславную» [Неизданные материалы, 2007, 238].

В духовном стихе «Вознесение Христа» качествами священного дня наделяется *четверг*: «На *шестой недели во четвериз* / Возносилси Исус на небеса» [Неизданные материалы, 2007, 232]. Очевидный источник сакрализации четверга – евангельский текст.

Из евангелической традиции заимствовано и описание распятия Христа (здесь сакрализации подвергаются не только дни, но и *часы*): «Бысть тьма по всей земли с *шестого часу до девятого*. / Придет муж Никодим Иосиф старче, / С креста снимут, во гроб положивши, / Плащаницею закрывши и убывши. / *Третий день* я, матушка, воскресну, / Приду ко аду рукописаному, / Рукописание Адамово раздраши, / Дьявола связав, / Святых за собой изведоши» [Духовные стихи, 2015, 448]. Мотив сошествия Христа в ад проник в фольклорную традицию через апокрифические

сочинения, в первую очередь «Евангелие от Никодима». Здесь же мы наблюдаем контаминацию образов Никодима и Иосифа: в духовном стихе перед нами предстаёт некий синкретичный персонаж – Никодим Иосиф.

Представления о священных событиях земного бытия Христа (*Преображение, Крещение*) зафиксированы в стихе «Голубиная книга»: «А Фавор-гора всем горам мати, – / *Преобразился* на ней сам Исус Христос» [Бессонов, 1861–1863, 271]; «А Ердань-река всем рекам мати: / *Окрестился* в ней сам Исус Христос» [Бессонов, 1861–1863, 271]. Однако в отдельный сюжет таинство Христова Крещения (как и событие Преображения) не развилось.

Важным для фольклорного сознания является представление о *пограничном времени* между прошлым и будущим, между старым и новым состоянием мира. В стихе «Голубиная книга» мифическая птица обретает подлинное могущество после наступления *полуночи*: «Когда Стрефил вострепещется / *Во втором часу после полуночи*, / Тогда запоют все петухи по всей земли, / Осветится в те поры вся земля: / Потому Стрефил-птица всем птицам мати» [Бессонов, 1861–1863, 290].

Отсчёт аскетической жизни Алексея, человека Божьего, также начинается после *полуночи*. Начало новых суток – это время выбора: «*Во первом часу* было ночи, / Пошел Алексей почивати / Во славные тихие покои, / В те же во отхожие чертоги, / Един Алексей заключался» [Стихи, 1991, 132]. Точная граница между старым и новым днём указана в следующем примере: «Скидывал тут ризы золотые, / Надел на себя волосяные, / *Это было часов двенадцать*» [Неизданные материалы, 2007, 142].

Пограничная зона времени выделена и в повествовании о Страстях Христовых: «*В пятницу под субботу* / Жиды Христа распяли» [Бессонов, 1861–1863, 189]. Здесь указывается не просто пятница, а некий условный символический промежуток времени *между* пятницей и субботой.

В некоторых случаях сакральное время не указывается: момент культового события обозначен при помощи местоименного указателя: «*Во время оно* взойдет Господь на гору Елеонскую / С ученики своими и речет Господь им / “Аз отхожу от вас на небо, / Адама воздвигну с собою, / Неже с ним Господь”» [Стихи, 1991, 221].

Как хорошо видно из представленных материалов, время сакральное вовсе не обязательно соответствует праздникам (или иным памятным событиям) церковного года. Более того, праздники двенадцатые получили в фольклорных духовных стихах слабое отражение. Достаточно детально проработаны темы Распятия и Вознесения. Существует много развёрнутых, качественных в художественном отношении картин этих событий. О Вознесении Христа сложен целый сюжет – далеко не всякое событие священной истории задержалось на фольклорной почве в виде отдельного сюжета. Можно в этой связи упомянуть Распятие, Рождество, а что касается Воскресения Христа, то это центральное событие православного календаря практически вовсе осталось без упоминания в духовных стихах. Разумеется, носителям фольклорной традиции это событие знакомо: например, в стихе «Сон Богородицы» Христос говорит: «На третий день, матенька, воскресну» [Духовные стихи, 2015, 99], но распространённость этого мотива непропорционально мала, если учесть значение Пасхи для православного сознания в целом. Весьма категоричен в этом вопросе был Г.П. Федотов: «Народных песен о воскресении нет» [Федотов, 1991, 44]. Исследователь указал, что в народной культуре с праздником Воскресения мог слиться другой праздник – *Вознесение* [Федотов, 1991, 45].

Возникает закономерный вопрос: нашли ли в духовных стихах отражение официальные церковные дни памяти святых? На этот вопрос, по-видимому, следует ответить отрицательно. Ни в одном из известных нам вариантов народных духовных стихов не отражены никакие конкретные даты, связанные с почитанием того или иного святого: например, если в «Житии» Алексея, человека Божия, день представления (и памяти) святого обозначен предельно точно – 17 марта, то в духовных стихах нет ничего подобного. Фольклорные тексты свободны от каких бы то ни было привязок к конкретным датировкам. Свободен в этом отношении и контекст бытования духовных стихов: произведения этого жанра пелись во время Великого поста, и вовсе не обязательно день исполнения совпадал с днём памяти святого.

Заключение

Перейдём к подведению итогов. Мы рассмотрели материалы русских духовных стихов, записанных преимущественно на территории Русского Севера в XIX–XX вв. Предметом исследования стала категория времени – мирского и сакрального. Представления о времени мирском и священном достаточно полно отражены в фольклорных духовных стихах. Вместе с тем эти представления далеко не всегда совпадают с нормами канонического православия. Например, житийный топос мольбы благочестивых родителей о даровании чада подвергается стилистическому воздействию фольклорной троичности при описании времени свершения молитвы (3 часа); срок аскетического подвига святого в пустыне составляет не 17 лет, как в «Житии», а 30, как это принято в фольклорной традиции; в некоторых вариантах духовных стихов Вознесение Христа привязано к *пятнице* и т.д.

Не всегда устойчивой оказывается и сама оппозиция *мирское–священное*. В исследованном материале выявлены случаи использования традиционных фольклорных символических числительных для обозначения событий, происходящих в потоке мирского времени. Эти случаи мы трактуем как *переходные*: без некоторых смысловых издержек они не могут быть отнесены ни к одному из полюсов бинарной оппозиции мирского и священного.

Таким образом, в рассмотренных духовных стихах выявлена тенденция к расширению пределов сакрального времени: в христианский текст включаются фольклорные формулы, несущие дополнительную смысловую нагрузку. Они помогают описать обыденное событие (например, обучение ребенка грамоте) в терминах, восходящих к мифологическим представлениям (например, *двенадцать лет* как возраст свершения первых подвигов).

Другим источником расширения границ священного времени стали эсхатологические переживания, также зафиксированные в фольклорных духовных стихах. Как известно, в рамках христианской картины мира течение времени трактуется как линейный исторический процесс: от «альфы» до «омеги», от создания мира до скончания времен. Это представление об истории мироздания хорошо усвоено фольклорной культурой: «*При последнем времени во тыи ли цысы / Да дни и ноци прикротятсе*» [Неизданные материалы, 2007, 215]; «*Приходят времена последняя, / Нашему житию конец идет*» [Бессонов, 1861–1863, 142]. Как легко убедиться, бытие человека и мира трактуется как конечное. Более того, «при последнем времени» само движение времени останавливается: больше нет ни дней, ни ночей; время застывает навечно. Не чужда духовным стихам и идея цикличности потока времени, что обусловлено мифологическими представлениями. Многочисленные ссылки на священные дни недели, месяца или года, регулярно встречающиеся в духовных стихах, сигнализируют о восприятии фольклорным сознанием времени как кругового движения, с «вечным возвращением» к тем или иным сакральным датам церковного календаря.

Область народного православия не ограничивается духовными стихами. Интересные факты для сопоставлений могут быть почерпнуты из народных легенд, народных житий, текстов «народной Библии», даже из мифологических рассказов, испытавших сильное влияние христианства. Материалы такого рода дадут возможность существенно продвинуться в понимании природы мирского и сакрального времени в его фольклорной трактовке.

Список сокращений

БЛДР – Библиотека литературы Древней Руси

Библиографический список

1. Адрианова, В.П. Житие Алексия человека Божия в древней русской литературе и народной словесности / В.П. Адрианова. – Пг., 1917. – 518 с.
2. Амосова, С.Н. Восточнославянская «климентовская» редакция «Сказания о 12 пятницах»: структура / С.Н. Амосова // Славянский альманах. – 2015. – № 1–2. – С. 236–245.

3. Амосова, С.Н. Представления о пятнице у восточных славян / С.Н. Амосова // Традиционная культура. – 2017. – № 1. – С. 52–65.
4. Бессонов, П.А. Калеки переходные. Вып. 1–6 / П.А. Бессонов. – М., 1861–1863.
5. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII вв. – СПб.: Наука, 1999. – 556 с.
6. Веселовский, А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды / А.Н. Веселовский // Журнал министерства народного просвещения. – 1876. – № 6. – С. 326–367.
7. Веселовский, А.Н. Св. Георгий в легенде, песне и обряде: Разыскания в области русских духовных стихов. Вып. II. Часть II / А.Н. Веселовский // Веселовский А.Н. Избранное: Традиционная духовная культура. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 7–199.
8. Гребенюк, В.П. Отчет об археографической экспедиции на поморский берег Белого моря в июле 1969 г. / В.П. Гребенюк, М.В. Рождественская // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 26. – Л., 1971. – С. 316–321.
9. Духовные стихи Русского Севера / сост. В.П. Кузнецова. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. – 800 с.
10. Забияко, А.П. Религия / А.П. Забияко // Энциклопедия религий / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2008. – С. 1069–1073.
11. Забияко, А.П. Религия / А.П. Забияко, А.Н. Красников, Е.С. Элбакян // Религиоведение: Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006. – С. 872–874.
12. Иванов, С.В. Восточнославянская «климентовская» редакция «Сказания о 12-ти пятницах»: к вопросу о происхождении и эволюции текста / С.В. Иванов // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XVII (чтения памяти И.М. Тронского). Материалы международной конференции, проходившей 24–26 июня 2013 г. / отв. ред. Н.Н. Казанский. – СПб.: Наука, 2013. – С. 318–342.
13. Кузнецова, В.П. И.А. Федосова и ее духовные стихи / В.П. Кузнецова // Рябининские чтения – 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера / отв. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. – С. 338–341.
14. Муравьев, А.В. Алексей, человек Божий / А.В. Муравьев, А.А. Турилов // Православная энциклопедия. Т. 2. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. – С. 8–10.
15. Мухина, Е.А. Динамика текста эпического духовного стиха (на материале сюжетов «Алексей человек Божий», «Два Лазаря», «Егорий Храбрый»): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Мухина. – Петрозаводск, 2006. – 22 с.
16. Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых: 1926–1928: По следам Рыбникова и Гильфердинга: В 2-х тт. Т. 1. Эпическая поэзия / отв. ред. В.М. Гацак. – М., 2007. – 632 с.
17. Новичкова, Т.А. Эпос и миф / Т.А. Новичкова. – СПб.: Наука, 2001. – 248 с.
18. Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / сост., отв. ред. и автор предисл. А.В. Пигин. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 608 с.
19. Петров, А.М. Числовые модели в поэтике русских духовных стихов (категории времени и пространства) / А.М. Петров // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2014. – № 2. – С. 7–24.
20. Пропп, В.Я. Змееборство Георгия в свете фольклора / В.Я. Пропп // Пропп В.Я. В свете фольклора. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 80–100.
21. Рождественская, М.В. Сказание о двенадцати пятницах (комментарии) / М.В. Рождественская // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. XI–XII вв. – СПб.: Наука, 1999. – С. 392–395.
22. Руди, Т.Р. О композиции и топике житий преподобных / Т.Р. Руди // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 57. – СПб., 2006. – С. 431–500.
23. Стихи духовные / сост. Ф.М. Селиванов. – М.: Советская Россия, 1991. – 336 с.
24. Толстая, С.М. Следы древнеславянской апокрифической традиции в полесском фольклоре: «Сказание о 12 пятницах» / С.М. Толстая // Толстая С.М. Полесский народный календарь. – М., 2005. – С. 543–562.
25. Топорков, А.Л. Комментарии / А.Л. Топорков // Федотов Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам. – М.: Гнозис, 1991. – С. 154–182.
26. Топоров, В.Н. Числа / В.Н. Топоров // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. – М.: Советская Энциклопедия, 1992. – С. 629–631.
27. Федотов, Г.П. Стихи духовные: Русская народная вера по духовным стихам / Г.П. Федоров. – М., 1991. – 192 с.

28. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М.: Изд-во Московского университета, 1994. – 144 с.
29. Яблоков, И.Н. Религия и мифология / И.Н. Яблоков // Религиоведение. Энциклопедический словарь / под ред. А.П. Забияко, А.Н. Красникова, Е.С. Элбакян. – М.: Академический проект, 2006. – С. 886.

Текст поступил в редакцию 15.12.2017.

¹ Выражаю признательность А.В. Пигину за указание на ряд ценных источников и исследований, касающихся апокрифа «О двенадцати пятницах».

References

1. Adrianova V.P. *Zhitie Aleksii cheloveka Bozhii v drevnei russkoi literature i narodnoi slovesnosti* [Life of Alexis Man of God in Ancient Literature and Folk Literature]. Petrograd, 1917, 518 p. (in Russian).
2. Amosova S.N. *Slavianskii almanakh* [Slavic Almanac]. Moscow, 2015, no. 1–2, pp. 236–245 (in Russian).
3. Amosova S.N. *Traditsionnaia kultura* [Traditional Culture]. Moscow, 2017, no. 1, pp. 52–65 (in Russian).
4. Bessonov P.A. *Kaliki perekhozhie* [Wandering Kaliki]. Iss. 1–6. Moscow, 1861–1863 (in Russian).
5. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 2. XI–XII vv.* [Library of Ancient Rus Literature. Vol. 2. XI–XII Centuries]. St. Petersburg: Nauka, 1999, 556 p. (in Russian).
6. Veselovskii A.N. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of Public Education]. 1876, no. 6, pp. 326–367 (in Russian).
7. Veselovskii A.N. *Izbrannoe: Traditsionnaia dukhovnaia kultura* [Selected Works: Traditional Spiritual Culture]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2009, pp. 7–199 (in Russian).
8. Grebeniuk V.P., Rozhdestvenskaia M.V. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. T. 26* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 26. Leningrad, 1971, pp. 316–321 (in Russian).
9. *Dukhovnye stikhi Russkogo Severa* [Spiritual Verses of the Russian North]. Ed. V.P. Kuznetsova. Petrozavodsk: Karelskii nauchnyi tsentr RAN, 2015, 800 p. (in Russian).
10. Zabiyako A.P. *Entsiklopediia religii* [Encyclopedia of religions]. Eds. A.P. Zabiyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt, Gaudeamus, 2008, pp. 1069–1073 (in Russian).
11. Zabiyako A.P., Krasnikov A.N., Elbakyan E.S. *Religiovedenie: Entsiklopedicheskii slovar* [Study of religions: Encyclopedic Dictionary]. Eds. A.P. Zabiyako, A.N. Krasnikov, E.S. Elbakyan. Moscow: Akademicheskii proekt, 2006, pp. 872–874 (in Russian).
12. Ivanov S.V. *Indoevropskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiiia–XVII (chteniia pamiati I.M. Tronskogo). Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, prokhodivshei 24–26 iunია 2013 g.* [Indo-European Linguistics and Classical Philology–XVII (I.M. Tronsky Memorial Conference). Proc. of the International Conference, St. Petersburg, 24–26 June, 2013]. St. Petersburg: Nauka, 2013, pp. 318–342 (in Russian).
13. Kuznetsova V.P. *Riabininskii chteniia–2015. Materialy VII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kulturnogo naslediiia Russkogo Severa* [Riabinin Readings–2015. Proc. of the Seventh Conference on the Study and Actualization of the Cultural Heritage of the Russian North]. Petrozavodsk, 2015, pp. 338–341 (in Russian).
14. Muravev A.V., Turilov A.A. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr “Pravoslavnaia entsiklopediia”, 2001, pp. 8–10 (in Russian).
15. Mukhina E.A. *Dinamika teksta epicheskogo dukhovnogo stikha (na materiale snuzhetov «Aleksii chelovek Bozhii», «Dva Lazaria», «Egorii Khrabryi»). Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Dynamics of the Text of the Epic Apiritual Verse (On the Material of the Plots “Alexis the Man of God”, “Two Brothers Lazarus”, “Egor the Brave”). PhD Thesis in Philology]. Petrozavodsk, 2006, 22 p. (in Russian).
16. *Neizdannnye materialy ekspeditsii B.M. i Iu.M. Sokolovykh: 1926–1928: Po sledam Rybnikova i Gilferdinga: V 2-kh tt. T. 1. Epicheskaiia poeziia* [Unpublished Materials of B.M. and Iu.M. Sokolovy Expedition: 1926–1928: In the Footsteps of Rybnikov and Gilferding: In 2 vols. Vol. 1. Epic Poetry]. Moscow, 2007, 632 p. (in Russian).
17. Novichkova T.A. *Epos i mif* [Epic and Myth]. St. Petersburg: Nauka, 2001, 248 p. (in Russian).
18. *Pamiatniki knizhnoi stariny Russkogo Severa: kollektzii rukopisei XV–XX vekov v gosudarstvennykh khranilishchakh Respubliki Kareliia* [Monuments of Old Russian Book History: Manuscripts of the 15th–20th Centuries in State Depositories of the Republic of Karelia]. Ed. A.V. Pigin. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2010, 608 pp. (in Russian).
19. Petrov A.M. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin]. Series 9: Philology. Moscow, 2014, no. 2, pp. 7–24 (in Russian).
20. Propp V.Ia. *V svete folkloria* [In the Light of Folklore]. Moscow; Labirint, 2007, pp. 80–100 (in Russian).
21. Rozhdestvenskaia M.V. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi. T. 3. XI–XII vv.* [Library of Ancient Rus Literature. Vol. 3. XI–XII Centuries]. St. Petersburg: Nauka, 1999, pp. 392–395 (in Russian).

22. Rudi T.R. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 57. St. Petersburg, 2006, pp. 431–500 (in Russian).
23. *Stikhi dukhovnye* [Spiritual Verses]. Ed. F.M. Selivanov. Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1991, 336 p. (in Russian).
24. Tolstaia S.M. *Polesskii narodnyi calendar* [Folk Calendar of Polesye]. Moscow, 2005, pp. 543–562 (in Russian).
25. Toporkov A.L. in *Fedotov G.P. Stikhi dukhovnye: Russkaia narodnaia vera po dukhovnym stikham* [Spiritual Verses: Russian Folk Belief in the Spiritual Poetry]. Moscow: Gnozis, 1991, pp. 154–182 (in Russian).
26. Toporov V.N. *Mify narodov mira: Entsiklopediia* [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaia Entsiklopediia, 1992, pp. 629–631 (in Russian).
27. Fedotov G.P. *Stikhi dukhovnye: Russkaia narodnaia vera po dukhovnym stikham* [Spiritual Verses: Russian Folk Belief in the Spiritual Poetry]. Moscow: Gnozis, 1991, 192 p. (in Russian).
28. Eliade M. *Sviashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta, 1994, 144 p. (in Russian).
29. Yablokov I.N. *Religiovedenie: Entsiklopedicheskii slovar* [Study of Religions: Encyclopedic Dictionary]. Eds. Zabyako A.P., Krasnikov A.N., Elbakyan E.S. Moscow: Akademicheskii proekt, 2006, p. 886 (in Russian).